

Лапшина С.Т.

Г. Кунгур, преподаватель МАОУСОШ №1:

«Нефантастика» писателя М.Е. Зуева-Ордынца

Михаил Ефимович ЗУЕВ (творческий псевдоним Михаил *ЗУЕВ-ОРДЫНЕЦ*) (1900-1967) - писатель-фантаст, один из «зачинателей советской приключенческой литературы». Родился он в Москве в семье обувщика, который очень хотел дать сыну хорошее образование. Собрав дома богатую библиотеку, отправил отпрыска в лучшую - Ломоносовскую - гимназию. Но вскоре умер. Гимназист вынужден был летом подрабатывать на заводах, где завёл приятелей и учебу в итоге забросил. «Время настало весёлое, боевое, огненное, — фиксировал он позже в автобиографии. — Подчистив метрики, записался добровольцем в Красную Армию».

Но, повоевав, вернулся в столицу — в Московскую артиллерийскую школу красных командиров. Всю гражданскую войну провёл на разных фронтах: командир батареи, начальник артразведки дивизии. После войны окончил Ленинградский институт истории искусств, начал писать и в 1932 году был принят в Союз писателей СССР.

Сегодня переиздаются его книги, можно найти в Интернете сборник рассказов «Желтый тайфун», «Сказание о граде Ново-Китеже», «Возмутители», «Гул пустыни», «Волчья падь», роман «Злая земля». Ещё в 1937 г. вышедший «Хлопушин поиск», рассказывающий о пугачёвщине на Урале, «Последний год» - о русских колониях в Северной Америке, повести и рассказы, некогда украшавшие журналы «Всемирный следопыт», «Вокруг света». Революционная романтика, увлекательная история страны, путешествия, фантастика...

Ровесник века, москвич Зуев бывал в сибирской тайге, в каракумских песках, на белорусских болотах, на уральских реках и в ямальской тундре. Ходил пешком, ездил на лошади, на верблюде, на оленях и собаках, летал на самолете и плавал на пароходе. И везде находил сюжеты для своих произведений.

В 1935 году московский журнал «Всемирный следопыт» перевели в Свердловск и переименовали в «Уральский следопыт». С редакцией журнала приехал на Урал писатель-фантаст Михаил Ефимович Зуев-Ордынец. После сплава по Чусовой его пригласили «писать историю Кунгурской трудовой коммуны, (в то время такого же известного учреждения для бывших беспризорников, как знаменитая Болшевская, руководимая А.С. Макаренко), а молодого Бориса Рябина - фотографировать.

Борис Степанович, вспоминал, как «жили под куполом бывшего монастырского собора (Иоанно-Предтеченский храм – С.Л.), превращённого в общежитие. Внизу помещалась коммунальная братия — бывшие воры, карманники, поездушники, специалисты по отмыканию чужих квартир; кверху вела крутая винтовая лестница, и на третьем ярусе, где когда-то висели колокола, квартировали мы с Зуевым. Пока заберёшься на эту верхотуру, язык высунешь... Зуев шутил, что за время жизни под соборным куполом они «сдали нормы на значок альпиниста». С его легкой руки прозвали своё обиталище «высокогорным лагерем».

«Круглые сутки там свистел ветер и скреблись мыши; снаружи доносились надоедливые крики галок. **Стояла зима.** Днем мы нажаривали электрическую плитку; она часто перегорала и, таким образом, ночью «автоматически» отключалась; а под утро было страшно высунуть нос из-под одеяла — лютая стужа. В нашем распоряжении были две скрипучие койки, колченогий стол, две табуретки, тумбочка. «Освещение в нашем «высотном особняке» было скудным: одна лампочка, горевшая жёлтым светом, в самое неподходящее время перегорала, где-то происходило замыкание («электрифицировали» колокольню не монтеры-специалисты, а всё те же любители лазать по чужим карманам), и ночью автоматически отключалась. Зуев сидит, пишет – вдруг мигнуло – и темнота, хоть глаз выколи, а у него самое рабочее настроение, разгулялась фантазия, как говорится, лови момент. Свет! Скорее свет, подай да выложи! Приходилось полуодетым спускаться вниз, искать кого-нибудь из дежурных или будить спящих и просить помочь найти повреждение...» Потом они научились справляться сами.

Но Зуев неумоимо «творил» и здесь. До полудня он обычно отсыпался, потом приводил в порядок свои записи и — пропадал до позднего вечера среди воспитанников коммуны, а

иногда где-то в городе.. После с восторгом пересказывал услышанное. Если сосед спит — не пожалееет, разбудит среди ночи: надо выговориться. «Уж очень интересно!» Помнится, меня увлекала, главным образом, фабула походов наших поставщиков сюжетов. Когда я однажды сказал об этом Зуеву, он возразил:— Это, конечно, интересно. Но еще интереснее то, что лежит за этим. Ведь творит все это человек. Почему? Как? Что его толкает на это? И кто? Понимаете? раскроете все это — будет ясен и путь к возврату, к трудовой жизни. Повороты судьбы — вот что нужно нам. Не воровскую же романтику прославлять!

Порядки в Кунгурской коммуне были строгие. Ни у кого из свердловских гостей ничего не пропало. Может быть, ещё потому, что с Рябининым был дог Джерри, с которым Михаил Ефимович мог долго играть, как и коммунары. Писатель-фантаст «искренне желал добра всем этим воришкам, взломщикам, испорченным девчонкам, потерявшим себя и теперь под руководством своих опытных наставников-чекистов стремившимся вернуться на честную дорогу». Наслушавшись, наобшавшись со всей этой разношерстной публикой днём, Зуев ночью писал и с восторгом пересказывал услышанное Борису Рябину, которого поначалу «несколько смущала близость такой компании»..

«Спустя годы,- вспоминал Рябинин,- продолжали появляться в журналах его рассказы на темы, почерпнутые в период пребывания в Кунгуре. Все они были следопытскими: проникновением в область человеческой души, в область перестройки чувств, стремлений тех людей, перековкой которых занималась коммуна. Читатели журнала «Вокруг света» вероятно, помнят головокружительные похождения «дяди Кости», знаменитого «медвежатника», взломщика сейфов, ставшего под конец жизни замечательным воспитателем молодёжи. Он руководил кружком художественной самодеятельности, воздействуя на юных правонарушителей не только личным авторитетом, но и средствами эстетики».

В кунгурской коммуне был действительно свой «дядя Костя» - Погодин Константин Николаевич, зав. учебно-воспитательной частью. Бывший сиделец Бутырки при царском режиме, он 1928 г. организовывал Томскую трудовую коммуну. Через несколько лет — Кунгурскую. По воспоминаниям коммунара Н. Берзина, «Дядя Костя нас хорошо знал и, как мы выражались, не стыдясь, заглядывал в душу». Видимо, всё это привлекало Зуева-Ордынца.

Михаил Ефимович позднее обращался письмом к Ф.В. Бачурину — заместителю начальника по учебно-воспитательной работе Кунгурской трудкоммуны, подчёркивая, что тема перевоспитания человека влечёт его и что он хотел бы приехать в Кунгур ещё раз. Не сложилось.

Весной 1937 года М.Е. Зуев вернулся домой из очередной своей поездки по Уралу. И...участника гражданской войны и несправимого романтика революции арестовали. «... в ночь с 9-го на 10 апреля 1937 года ...меня увезли в пижаме в следственную тюрьму НКВД на бывшей Шпалерной улице города Ленинграда как «англо-финского разведчика».

Что послужило поводом для ареста, теперь уже сказать сложно. Известно, что советский писатель Зуев не был согласен с «генеральной линией» партии. И когда оставался наедине со своим «Дневником», нередко откровенничал. « Никогда литература не была подлее, услужливее, развращённее, чем сейчас. Советский режим растлил, запугал, закупил её и сделал своим подголоском. Не литература, а дрозд насвистанный...»

Следователь Лещенко в «Дневнике» «врага народа Зуева» к полному своему удовольствию обнаружил ещё и эпиграмму, пересказанную кем-то в писательской столовой пять лет назад:

По мановению восточного сатрапа —
Не стало РАППА,
Но не ликуй, презренный раб,
Ведь жив сатрап!!!

«Душок, душок-то какой! Вы, безусловно, понимаете, кто назван в этих строчках восточным сатрапом?— и цинично добавил: Пи-са-те-ли! Советские люди молятся на него (Сталина — С.Л.), а тут, видите ли, находятся... Я тебя в порошок сотру! Сам расстреляю!»

На арестованного посыпались вопросы: «От кого услышал? Его фамилия? Фамилии всех, кто слышал эпиграмму? Особо тех, кто одобрил и пришёл в восторг? Словом,- подытожил следователь,- называйте всю вашу банду...»

После нар Шпалерки – лагеря. Но писатель-фантаст никого не выдал. М.Е. Зуев, получивший одобрительные отзывы М. Горького, на 19 лет был вырван из жизни. Только в 1957г., после реабилитации, живя в Караганде (запрещено было вернуться в Ленинград) , написал повесть «Вторая весна» и «Личное дело № 179888 (записки ЗеКа)»... Он прошёл через ГУЛАГ, а в последней повести повторил строки друга - поэта Бориса Корнилова, погибшего в застенках:

Мы в мягкую землю ушли головой,
Нас тьма окружает глухая,
Мы тонкой во тьме прорастаем травой,
Качаясь и благоухая.
Зелёное, скучное небытие,
Хотя бы кровинкою брызни;
Достоинство наше – твоё и моё-
В другом продолжении жизни.

Травы забвения не должно быть. Другое продолжение жизни – в памяти. Тем более что жизнь этого человека связана с Кунгуром, с церковью Иоанна Предтечи.

Кунгурская трудовая коммуна - это яркая страница Урала. Б. Рябинин писал: «Я помню всё, как будто было вчера. ...Помню все посещения коммуны. Как жили вместе с писателем Зуевым-Ордынцем на колокольне... Такое не забывается...

Написал ли Зуев-Ордынец историю Кунгурской трудовой коммуны? Куда пропали рукописи? А они были! Упомянутых Рябининым рассказов о «дяде Косте» нет. Изъяты были все номера журнала «Вокруг света» за 1936-1937гг, кроме нескольких номеров, в которых нет публикаций Михаила Ефимовича. Журнал «Уральский следопыт», организованный в 1935 г., выпустил только девять номеров, и до 1958 года издание было закрыто. Очевидно, из-за публикаций о Кунгурской трудовой коммуне. Репрессированы были управленцы коммуны. И расстрелян 14 января 1938 г даже приехавший в учреждение Весновский Валерий Александрович, зам нач. УНКВД по Свердловской области.

1. ККМ НВ /Научный вспомогательный фонд/ 3981/7-21. Газета «На новом пути». 1933. № 1. Январь – 1941. № 412. 1 окт.
2. ГАПК. Ф. 63п. Оп. 63п. Д. 14. Л. 1–69. Фотоальбом «Кунгурская Трудовая коммуна УНКВД Свердловской области». 1935 // Фото Б. Рябинин.
3. Весновский В.А..-[Электронный ресурс]: URL: <https://nkvd.memo.ru/index.php/> (дата обращения 15.11.2022)
4. Горбунов Ю. «Следопыты» тридцать пятого. Юбилейная фантазмагория. // Уральский следопыт.- № 3-4, 1995.- С.2-6
5. Зуев-Ордынец М.Е. Дело № 179888 // Простор. 1989. № 1. С. 97.
6. Зебзеева А.Г. «Личное дело № 179888 (записки зека)». / Литературный сборник «Пульс-89».-Пермь, 1989.
7. Лапшина С.Т. Встречи. К 100-летию Б.С. Рябинина.- Пермь, 2011.-С.4
8. Лапшина С.Т.Последователи А. Макаренко, или Кунгурская трудовая коммуна / Искра, 19 января 2014.
9. Лапшина С.Т. Последователи А. Макаренко, или Кунгурская трудовая коммуна .-[Электронный ресурс]: URL: <https://uraloved.ru/kungurskaya-trud-kommuna> (дата обращения 08.01.2023)
10. Машнина А. Слава и нары.-[Электронный ресурс]: URL: <http://nv.kz/2016/02/06/99582> (дата обращения 10.01.2023)
11. Могильницкий В. Звёзды ГУЛАГА.-.[Электронный ресурс]: URL:https://csmb.kz/images/csmbkz/ocfyrovannye/Valeriy_Mogilnitskiy_Zvezdi_Gulaga.pdf (дата обращения 04.01.2023)
12. Рябинин Б.С. Ушедшее - живущее.- М.: Советский писатель, 1985.-С.62-65.
13. Уральские были. Путешествие по четырём рекам //Уральский следопыт.-№9.- 1935.- С.63.